

ДЖОН ГОЛСУОРСИ

Русский и англичанин

Еще много лет назад у меня сложилось убеждение, что русский и англичанин составляют как бы две дополняющие друг друга половины одного целого. То, чего недостает русскому, есть у англичанина, то, чего недостает англичанину, есть у русского. Произведения Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова — поразительная искренность и правдивость этих мастеров — позволили мне, думается, проникнуть в некоторые тайны русской души, так что русские, которых я встречал в жизни, кажутся мне более понятными, чем другие иностранцы. Для такого понимания у меня было то, что школьники называют шпаргалкой. Только дурак может утверждать, что он знает все: чужая душа, несомненно, темный лес; но русская душа представляется мне лесом менее темным, чем многие другие, — отчасти потому, что достоинства и недостатки русских так бросаются в глаза англичанину, отчасти же потому, что великие русские писатели, доставившие мне столько наслаждения, велики превыше всего своей правдивостью. Сопоставляя русских и англичан, лучше всего, пожалуй, и начать с вопроса о «правде». У англичанина есть то, что можно назвать страстью к букве правды: он хозяин своего слова... почти всегда; он не лжет... почти никогда; честность, по английской поговорке, — лучшая политика. Но самый дух правды он не особенно уважает. Он бессознательно занимается самообманом, отказываясь видеть и слышать то, что может помешать ему «преуспеть». Им движет дух соревнования, он хочет не столько жить полной жизнью, не столько понять, сколько победить. А для того, чтобы победить, или, скажем, создать себе иллюзию победы, надо на многое старательно закрывать глаза.

Русский, сколько я понимаю, легче относится к букве правды, но упивается самопознанием и самораскрытием, любит исследовать глубины своих мыслей и чувств, даже самых мрачных. Рус-

ский — так мне по крайней мере представляется — жадно накидывается на жизнь, пьет чашу до дна, потом честно признает, что обнаружил на дне мутный осадок, и как-то мирится с этим разочарованием. Англичанин берет чашу осторожно и прихлебывает маленькими глотками, в твердой решимости растянуть удовольствие, не взмутить осадка и умереть, не добравшись до дна.

Это два полюса одного и того же инстинктивного желания — желания взять от жизни все возможное, которым спокон веков руководствуется человек.

Русскому важно любой ценой познать всю полноту чувства и достичь предела понимания; англичанину важно сохранить иллюзию и побеждать жизнь до тех пор, пока в один прекрасный день его самого не победит смерть.

Чем объяснить это существенное различие, я не знаю, разве что несхожестью наших климатических и географических условий. Вы, русские, — дети необъятных равнин и лесов, сухого воздуха, резких смен холода и жары; мы, англичане, — дети моря, миниатюрных, пересеченных изгородями ландшафтов, тумана и средних температур. Как это ни парадоксально, мы с нашей сознательной слепотой к этому беспокойному фактору — правде, а может быть, и в силу этой слепоты, добились такой свободы слова и действий, какая вам еще не дана, хотя вы, конечно, далеко превзошли нас в стремлении все выворачивать наизнанку, чтобы докопаться до сути. Политическое устройство страны, как мне кажется, основано на национальном складе характера; и политическая свобода, которая годится для нас, старой нации с практическим и осторожным взглядом на жизнь, пока еще была невозможна для вас, нации молодой и так щедро себя растрачивающей. Вы растете главным образом в молодости, у нас молодость — сравнительно вялая пора, а рост начинается в зрелости. Однако в политическом смысле вы все молоды, а мы все стары, и опрометчиво было бы предсказывать, к чему вы придете. Да и вообще таинственная игра политических сил, причин и следствий политики, выходит далеко за рамки этого краткого очерка.

Вас, русских, должны больше всего поражать в нас, а может быть, и вызывать вашу зависть, наш практический, здравый смысл, веками выработанное понимание того, чего в жизни можно достигнуть, и самых лучших и простых способов этого достигать. Нам же следовало бы завидовать вам потому, что вы «не от мира сего». Я вовсе не хочу сказать, что вы смотрите на этот мир как на преддверие другого мира, — это значило бы обвинить вас в меркантильности.

Я имею в виду ваше естественное расположение к тому, чтобы жить без оглядки, жить чувствами. Неумение отдаться чувствам — наш большой недостаток. Сумеете ли вы, в результате нынешнего нашего сближения, немного заразиться нашим здравым смыслом, а мы — вашим «не от мира сего» — в этом весь вопрос. И я бы ответил на него так: в искусстве мы можем позаимствовать кое-что у вас; в жизни вы можете позаимствовать кое-что у нас. Ваша литература, во всяком случае за последние два десятилетия, сильно повлияла на нашу. Русская проза ваших мастеров — это самая мощная животворная струя в море современной литературы, струя более мощная, осмелюсь утверждать, чем любая из тех, какие проследивает в своем монументальном труде Георг Брандес¹. Ваши писатели внесли в художественную литературу — на мой взгляд, из всех областей литературы самую важную — прямоту в изображении увиденного, искренность, удивительную для всех западных стран, особенно же удивительную и драгоценную для нас — наименее искренней из наций. Это свойство ваших писателей, как видно, глубоко национальное, ибо даже Тургеневу с его высоким профессиональным мастерством оно присуще в такой же мере, как его менее изоциренным собратьям. Это, несомненно, одно из проявлений вашей способности глубоко окунаться в море опыта и переживаний, самозабвенно и страстно отдаваться поискам правды.

У тех из ваших современных писателей, которых я читал — у Куприна, Горького и некоторых других, — я тоже с радостью отметил эту особую способность показывать жизнь, окрашивая ее — но не затемняя — своим личным мироощущением, так что впечатление получается такое, словно между тобой и жизнью нет печатного текста. Утверждая, что вы оказали глубокое влияние на нашу литературу, я не хочу сказать, что мы, подобно вам, уже восторжествовали над этим промежуточным звеном — печатным текстом — или что наш душевный склад уподобился вашему; я хочу сказать, что некоторые из нас заразились стремлением видеть и изображать правду и отрешиться от морализирования, которое с незапамятных времен проклятием тяготело над английским искусством. Другими словами, ваше стремление понять несколько умерило наше стремление достигнуть. В вашей литературе нас особенно пленяет правдивость, глубокая и всеобъемлющая терпимость. Насколько мне известно, вас в нашей литературе особенно привлекает здравомыслие и утверждающая сила, то есть то, что для вас непривычно и ново. Смею надеяться, что вы не заразитесь этим от нас; что никакое сближение между

нами не замути́т духовной и умственной честности ваших писателей, не лишит их искренности. Если вы восхищаетесь нашей более энергичной литературой, ее насыщенными сюжетами, ее позицией «К черту психологию!», то, прошу вас, для вашего же блага, восхищайтесь издали, не давайте ей коснуться вас слишком близко! Не воображайте, что, если вам хочется привить русской душе практичность, действенность, методичность, вы можете позволить себе шутить шутки со своей литературой. В этой области вам ничего от нас не нужно, вы можете спокойно довольствоваться той лучшей долей, которая у вас уже есть. Тут мы должны заимствовать от вас, должны по возможности научиться подобно вам окунаться в жизнь и воссоздавать ее, ничего не навязывая читателю от себя, кроме той неуловимой личной окраски, которая придает каждому произведению искусства его неповторимо индивидуальное свойство. Даже если вашей литературе в последнее время недостает сдержанности, вы можете поучиться ей у ваших же старых мастеров лучше, нежели у нас; ибо наша сдержанность в искусстве — это либо поверхностность, либо ханжеское наследие пуританства. Сдержанность в жизни, в поведении — иное дело. Тут вам, пожалуй, есть чему поучиться у нас, ведь мы непревзойденные мастера по части того, чтобы держать свои чувства в узде.

В вопросах поведения мы, можно сказать, старше вас; думается, в этом отношении мы больше походили на вас в дни Елизаветы, триста лет тому назад.

Люди, с кем бы они ни общались, не становятся моложе. И если в будущем, в результате нашего нынешнего боевого содружества, нам доведется расширить наши торговые и общественные связи, я думаю, что ваши обычаи и нравы, а может быть, и ваши социальные и политические взгляды скорее поддадутся нашему влиянию, чем наоборот. Повторяю, нам есть чему поучиться у вас в искусстве, вам есть чему поучиться у нас в жизни.

Обычно взаимной симпатией проникаются друг к другу люди либо очень схожие между собой, либо очень несхожие. Мне говорили, что наши солдаты как нельзя лучше ладят с вашими. Но когда война кончится, общаться между собой будут не военные, а штатские — деловые люди и туристы. Нельзя ожидать, что мы, если не считать редких исключений в той и другой стране, до конца пойдем друг друга, а тем более станем одинаково думать и поступать. Наша взаимная терпимость будет во многом зависеть от признания того положения, с которого я начал: что мы как бы две половины единого целого, совершенно между со-

бой не схожие; мы дополняем друг друга, мы совместимы, но отнюдь не взаимозаменяемы. И вы и мы, хоть и очень по-разному, весьма существенные разновидности человечества, очень замкнутые в себе, очень отграниченные от всего нерусского и неанглийского; очень неизменные и непроницаемые для посторонних влияний. Отнять у англичанина его английские качества почти невозможно, и так же трудно, вероятно, отнять русские качества у русского.

Англичанин за границей как будто рассчитывает, что аборигены будут смотреть на все его глазами, и даже склонен сердиться, когда этого не происходит! Нам следует остерегаться этой своей черты: не глупо ли ожидать тождества от полной себе противоположности! Нам следует усвоить, что в России время и пространство не имеют того значения, какое они имеют у нас, что жить для русских важнее, чем овладевать жизнью, что чувства там не стесняют, а дают им полную волю; что в России встречаются не только крайности жары и холода, но и крайности скепсиса и веры, интеллектуальной тонкости и простодушия; что правда для вас имеет совсем другое значение; что нравы у вас иные, а то, что мы называем «хорошим тоном», для вас бессмысленная условность. И поскольку англичанин учится туго и характер у него неважный, мы просим вас проявить терпение. Вам, со своей стороны, предстоит узнать, что скрывать свои чувства еще не значит не иметь сердца; что под чопорной деловитостью англичанина нередко прячется и душевное тепло и душевная тонкость, что он и не так глуп и не так хитер, как порою кажется. Я не жду слишком многого от духовного общения между нашими двумя народами, ибо не очень верю в восприимчивость и сочувственное любопытство рядового человека, будь то англичанин или русский.

Тон будут задавать интересы торговые и политические. И все же я думаю, что те русские и те англичане, которые умеют видеть, найдут друг в друге много привлекательного и интересного и что это обогатит их ум и сердце.

